

Религиоведение. 2019. № 3
Religiovedenie [Study of Religion]. 2019. No. 3

DOI: 10.22250/2072-8662.2019.3.35-42

¹Дашковский П.К., ²Шершнева Е.А.

¹Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
dashkovskiy@fjn-asu.ru

²Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
D2703@yandex.ru

Положение мусульманских общин на Алтае в контексте государственно-конфессиональной политики в 1960-е – 1980-е гг.

Аннотация. В статье рассматривается отношение к мусульманским общинам в СССР в 1960-е – 1980-е гг. Отдельное внимание уделено положению мусульман на Алтае, где ещё в период существования Российской империи, проживало значительное количество последователей этой религии. В статье также рассматривается отношение государства к исламским общинам как к элементам сохранения национальной идентичности у значительной части советского народа. В результате исследования отмечается, что сохранение исламских традиций у значительной части населения советского государства отождествлялось с соблюдением традиций и отнесением себя к конкретной этнической группе. Ислам на протяжении столетий играл роль этнического маркера, что было подтверждено годами антирелигиозной пропаганды. В 1960-е – 1980-е гг. по-прежнему отмечается сохранение религиозного мировоззрения среди «этнических мусульман», что подтверждается архивными материалами. Политика советского правительства в отношении мусульманских общин проводилась не всегда в однозначном русле.

Как свидетельствуют исторические материалы даже к середине 1960-х гг., когда уже в определённой степени был намечен курс либерализации религиозной политики, мусульманские общины всё ещё оставались под пристальным контролем со стороны уполномоченных по делам религий. В статье находят отражение и факты профессиональной некомпетентности уполномоченных по делам религий в регионах, от деятельности которых во многом зависела реализация государственно-конфессиональной политики на местах.

Ключевые слова: мусульмане, уполномоченный по делам религий, Алтайский край, мусульманские общины, Совет по делам религий, государственно-конфессиональная политика

¹ Petr K. Dashkovskiy, ² Elena A. Shershneva

¹ Altai State University
61 Lenin Ave., Barnaul, Russia, 656049
dashkovskiy@fjn-asu.ru

² Altai State University
61 Lenin Ave., Barnaul, Russia, 656049
D2703@yandex.ru

The Status of Muslim Communities in the Altai in the Context of State-Confessional Policy in the 1960s – 1980s

Abstract. The article deals with the attitude to Muslim communities in the USSR in the 1960s–1980s. Special attention is paid to the status of Muslims in the Altai, where during the existence of the Russian empire period, lived a significant number of followers of this religion. Special attention is paid to the attitude of the state to the Islamic communities as elements of the preservation of national identity of a large part of the soviet people. The authors come to the conclusion that the preservation of Islamic traditions in a large part of the population of the Soviet State was identified with the observance of traditions and self-identification with a particular ethnic group. Islam had been playing the role of an ethnic marker for centuries, as confirmed by years of anti-religious propaganda. During the 1960s–1980s, the preservation of religious worldview among “ethnic Muslims” is still noted, which is well confirmed by archival materials. The policy of the Soviet government towards Muslim communities was not always carried out in an unambiguous way. As evidenced by historical

materials, even since the mid-1960s, when the course of liberalization of religious policy was planned to a certain extent, Muslim communities also remain under close control by the commissioners for religious affairs. The article also reflects the facts of professional competence of the commissioners for religious affairs in the regions, the activities of which largely depended on the implementation of state and religious policy in the field.

Key words: Muslims, commissioner for religious affairs, Altai Krai, Muslim communities, Council for Religious Affairs, state and confessional policy

---

К 1960-м гг. в советском государстве была выработана чёткая модель государственного регулирования жизни религиозных общин и организаций, представленная вертикальной системой контроля, возглавляемой Советом по делам Русской Православной Церкви и Советом по делам религиозных культов (преобразованным в 1965 г. в Совет по делам религий). В регионах политику государственного регулирования проводили уполномоченные по делам религий, в обязанности которых входил контроль за деятельностью религиозных общин и постепенное искоренение религиозного мировоззрения [Королев, 2008, 73]. Осознав, что атеистическая пропаганда не принесла мгновенных желаемых результатов, как это виделось членами Союза воинствующих безбожников, созданного ещё в 1921 г., государство выбрало путь негласного вмешательства в дела религиозных организаций. Согласно выработанной государством системы контроля, допускалось существование только зарегистрированных религиозных групп, а также обращалось внимание на подбор «служителей культа», которые должны были выражать лояльность проводимой политики государства. Общероссийские процессы регулирования жизни религиозных общин не оставили в стороне территорию Западной Сибири и в частности Алтайский край, в котором даже после нескольких десятилетий атеистической пропаганды продолжали функционировать различные религиозные группы.

Особое внимание со стороны государства уделялось мусульманскому населению страны, занимающему второе место по численности последователей, проживающих на территории Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Приуралья и Сибири [Королев, 2008]. Однако точных сведений о количестве верующих и культовых зданий нет, т.к. уполномоченными по делам религий в регионах вёлся только примерный их учёт [Клюева, 2009, 117]. Пристальное внимание со стороны государства к исламу было вызвано и тем, что эта религия в значительной мере влияла на национальную и культурную самобытность многих народов СССР. Мусульманские традиции были достаточно крепки в жизни «этнического мусульманского населения», в т.ч. у татар и казахов, которые в сохранении религиозных традиций видели основу своей национальной идентичности [Клюева, 2009, 119].

Вторую половину XX в. принято считать либеральным периодом в государственно-конфессиональной политике советского правительства. Намечившаяся в первые послевоенные годы лояльная тенденция со стороны государства в отношении представителей мусульманского культа [Королева, Королев, Клюшина, 2009; Мухетдинов, Хабутдинов, 2011], скоро сменилась новой волной притеснений, направленных на уничтожение или хотя бы на значительное ослабление религиозных институтов. В 1960 г. было принято Постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», а следом в 1961 г. Постановление Совета Министров СССР «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», что привело к усилению контроля за деятельностью религиозных общин со стороны уполномоченных по делам религии на местах. Несмотря на проводимые меры, ислам в эти годы пострадал меньше, чем другие религиозные группы. С середины 1960-х гг. отмечается «сдерживание» активности религиозных лидеров со стороны государства. Исламское духовенство к этому времени приходит к соглашению с государственными органами, соблюдая лояльность к советской власти и беря на себя обязанности только по нравственному воспитанию своей паствы [Арапов, 2011, 23–24].

Следует также отметить, что в исламе, как и во многих других религиях, роль служителя культа важна, но всё же не абсолютизирована. В исламской традиции, несмотря на сформированное Центральное духовное управление мусульман,

деятельность которого была направлена на контроль за деятельностью служителей культа и верующих, совершать богослужение мог любой грамотный мусульманин [Королева, Королев, 2009, 61]. Таким образом, мусульманские религиозные общины могли функционировать самостоятельно и не нуждались в квалифицированном служителе культа [Королева, Королев, 2008, 320]. В связи с этим, в сложившихся условиях мусульмане по убеждению могли вести просветительскую деятельность среди единоверцев, втайне читать Коран и обучать детей основам мусульманского вероучения [Ярков, Старостин, 2017, 202].

Начиная с 1960-х гг. Центральному духовному управлению мусульман разрешалось издавать Коран, выпускать календари, обеспечивать мечети предметами культового назначения [Идиатуллоев, Галимова, 2016, 127]. Однако, несмотря на все послабления, мусульманские общины не получили свободы отправления культовой деятельности и по-прежнему зачастую оказывались на нелегальном положении. Согласно принятым постановлениям, в начале 1960-х гг. в обязанности уполномоченных по делам религий на местах входил тщательный контроль за деятельностью религиозных общин, а также регулярный анализ состояния религиозной обрядности [Королев, 2008, 75]. Не обошли стороной данные законодательные акты и мусульманские общины Алтайского края. Так, по данным уполномоченного по делам религий, в начале 1960-х гг. в Алтайском крае не осталось ни одной зарегистрированной мусульманской общины [Ислам, 2015, 294].

Советское государство, проявляя лояльность к мусульманским общинам, делало акцент на несостоятельности религиозного культа и всячески стремилось продемонстрировать ограниченность религиозного мировоззрения, подтверждая свою позицию различными фактами. Примером несостоятельности религиозного мировоззрения можно считать инцидент в с. Шульгин Лог Алтайского края, к которому были привлечены все местные власти. Обращаясь к данному инциденту, можно заметить, что подход к верующим со стороны уполномоченного по делам религии не всегда был конструктивным. В 1965 г. младшим советником Юстиций была возвращена справка, выданная уполномоченным по делам религий по Алтайскому краю о результатах проверки письма учительницы Шульгин-Логинской школы. Данная справка перенаправлялась председателю Алтайского крайисполкома. Уполномоченным по делам религий сообщалось, что он принял участие в проверке семьи Камалтыновых на основании письма учительницы школы с. Шульгин Лог в составе комиссии, куда также входили: врач городского психоневрологического диспансера, секретарь РК КПСС, заместитель председателя райисполкома, а также представитель райотдела милиции и представителя сельсовета. Все факты, изложенные в письме, нашли подтверждение. В справке описывался состав семьи и обращалось внимание на их принадлежность к татарам. Особое внимание было уделено хозяйственному быту семьи. Кроме того, отмечалось, что данная семья общественным трудом не занимается уже более 20 лет, никаких контактов с органами власти не имеет и от любой помощи отказывается, объясняя это тем, что ничего «сатанинского» брать в руки не хотят. Уполномоченным по делам религий в докладной также указывалось, что дети в данной семье выросли «полными идиотами, не способными к труду и человеческому образу жизни» [ГААК, фр. 1692, оп. 1, д. 37, л. 157–161]. Подобное положение семьи объяснялось погружением матери после смерти мужа в религиозность, а также безучастным отношением к ним односельчан как к «инородцам». В результате оценки сложившейся ситуации уполномоченным по делам религий было принято решение поместить всю семью в специальные лечебные учреждения, признав их психическую нетрудоспособность [ГААК, фр. 1692, оп. 1, д. 37, л. 157–161].

В рамках рассмотрения данного дела особое внимание уполномоченного по делам религии было обращено на этническую принадлежность членов данной семьи, а также религиозность матери. Начиная с 50-гг. XX в. мусульманское духовенство всё большее значение начинает придавать роли женщины в мусульманском воспитании детей. Мусульманское духовенство начинает обращать внимание на привлечение женщин к исполнению обрядов, считая религиозные запреты устаревшими [Королева, Королев, 2009, 64]. К тому же именно женщины при воспитании детей могли заложить основы мусульманской морали в подрастающее поколение.

В 60-е гг. XX в. с целью усиления контроля за деятельностью религиозных общин, а также распространения религиозного вероучения создаются комиссии при районных, сельских и местных органах по соблюдению законодательства о религиозных культах. Такие комиссии, согласно принятым постановлениям ЦК КПСС и Совета министров СССР, наделялись широкими полномочиями, которые позволяли им вмешиваться во внутреннюю жизнь религиозных общин. Факт создания подобных комиссий подтверждается, например, справкой, направленной уполномоченному по делам религий по Алтайскому краю в 1966 г. о создании комиссии при Кош-Агачском райисполкоме. В справке указывалось, что в районе создана комиссия из 5 человек во главе с заведующим районной библиотекой. Отмечалось также, что Кош-Агачский район является многонациональным, но среди алтайского и русского населения в последние годы религиозных людей выявлено не было. Кроме того, указывалось, что среди казахского населения, которое, следует заметить, составляло большинство в данном районе, было ещё много людей, особенно старшего возраста, исповедующих мусульманские обряды. В конечном итоге заключалось, что районный комитет КПСС и райисполком Кош-Агачского района продолжили проводить атеистическую пропаганду среди местного населения [ГААК, фр. 1692, оп. 1, д. 58, л. 112].

В конце 1960-х гг. советское руководство было обеспокоено распространением и укреплением позиций ислама в государстве. В 1967 г. уполномоченным по делам религий в регионах под грифом «секретно» было разослано постановление Совета по делам религий при Совете министров СССР, в котором отмечалось, что контроль за мусульманским культом вёлся очень слабо, что выразилось в различного рода нарушениях. Отмечалось, что во многих районах объединения мусульман действовали без регистрации. Крайне слабо было поставлено изучение распространённости обрядов среди мусульман. Многие представители культа оказались не поставленными на учёт, в результате чего их деятельность никак не контролировалась. В постановлении также указывалось, что в стране по-прежнему сохранилось 340 святых мест мусульманского культа, которые привлекали паломников из разных регионов [ГААК, фр. 1692, оп. 1, д. 96, л. 8–13].

Следует отметить, что в 1968 г. состоялось совещание уполномоченных по делам религий, на котором рассматривался вопрос о состоянии мусульманского культа в стране. По итогам совещания в регионы был разослан документ, в котором указывалось, что необходимо усилить контроль за соблюдением мусульманскими организациями законодательства о культах. Особенно следовало уделить внимание содержательной стороне проповеди мулл, а также приспособлению ислама к современным условиям СССР [Королев, 2007, 87; Королева, Королев, 2008, 323].

С целью составления наиболее полной картины развития и функционирования религиозных общин на территории Советского Союза в обязанности уполномоченных по делам религий на местах входило написание отчётов о деятельности религиозных общин. Форма отчёта, введённая в 1966 г., включала данные о доходах и расходах религиозной организации, о возрасте и образовании священнослужителя, а также отражала жалобы и обращения верующих [Фахретдинова, 2008, 349]. Основную статью доходов мусульманских общин составляли добровольные пожертвования на праздники и пятничные дни. В меньшей мере это были деньги, получаемые за исполнение религиозных обрядов [Кобзев, 2014, 62–63]. В 1967 г. уполномоченному по делам религий было направлено разъяснение председателя совета по делам религии Совета Министров СССР по некоторым вопросам законодательства о религиозных культах, касающихся образования (состава) религиозных обществ и их исполнительных органов. В рамках приланного документа отдельное внимание уделялось служителям культа, а также факту распределения доходов религиозных общин. Согласно законодательству, служителям культа запрещалось являться руководителями религиозных общин. Кроме того, они не имели права вмешиваться в хозяйственные и финансовые дела общины, поскольку этим должен был заниматься председатель общины, который был официально зарегистрирован в качестве её руководителя [ГААК, фр. 1692, оп. 1, д. 213, л. 10–11]. Пристальный контроль за финансовой стороной религиозной общины ставил её под контроль со стороны государства. Регулярный учёт доходов мусульманских общин, введённый

ещё с начала 1960-х гг. со стороны уполномоченных, ставил своей целью сократить расходы мусульман на религиозные нужды и увеличить отчисления в различные фонды [Кобзев, 2014, 66]. К тому же, начиная с 1960-х гг. мусульманские общины стали принимать участие в сборе пожертвований в «Фонд мира», а в дальнейшем и в «Фонд восстановления памятников истории и культуры» [Королев, 2008, 76].

Благодаря контролю со стороны государственных органов за финансовой деятельностью религиозных организаций, в т.ч. мусульманских, можно точно установить, действовали или нет мусульманские общины в Алтайском крае в рассматриваемый период. Важность финансового учёта деятельности религиозных организаций состоит в том, что отчёты уполномоченного по делам религий не отличались точностью и полнотой предоставленных сведений. Данный факт подтверждают проанализированные отчёты уполномоченного за указанный период. Так, уполномоченным по делам религий в Алтайском крае в отчёте за 1972 г. сообщалось, что последователей ислама в регионе нет. Однако в сведениях о поступлении и расходах денежных средств в зарегистрированных религиозных объединениях значилось, что в г. Рубцовске мусульманской общиной было получено добровольных пожертвований на 1,4 тыс. рублей. Кроме того, общий расход на содержание персонала, ремонт здания, отчисление религиозному центру составил 1,2 тыс. рублей [ГААК, фр. 1692, оп. 1, д. 119, л. 107, 109]. Аналогичная ситуация складывается и в 1974 г. в отношении мусульманской общины г. Славгород. В сведениях о религиозных объединениях в Алтайском крае уполномоченным по делам религий указывалось, что мусульманские объединения отсутствовали. При этом в сведениях о поступлении и расходах денежных средств в зарегистрированных религиозных объединениях сообщалось, что мусульмане г. Славгорода собрали добровольными пожертвованиями 800 рублей за 1974 г. Данная сумма была потрачена на содержание персонала, отчисления в религиозный центр и отчисления в «Фонд мира» [ГААК, фр. 1692, оп. 1, д. 133, л. 200, 202]. В отчёте уполномоченного по делам религий за 1978 г. также не значилось никаких данных о мусульманских общинах в Алтайском крае. Однако подтверждением существования религиозной общины в с. Глядень Благовещенского района Алтайского края являются данные за 1978 г. о собранных средствах на нужды общины, а именно покупку литературы, ремонт здания и т.д. [ГААК, фр. 1692, оп. 1, д. 150, л. 44].

Важно отметить, что ужесточение мер контроля со стороны государства за деятельностью мусульманских общин привело к тому, что в начале 1980-х гг. вся религиозно-обрядовая практика мусульман была сосредоточена в руках незарегистрированных мулл, что подтверждало несостоятельность многолетней атеистической работы в мусульманской среде [Арапов, 2011, 25]. Все попытки правительства активизировать атеистическое воспитание среди населения не увенчались успехом [Фахретдинова, 2008, 350]. В мусульманской среде по-прежнему отмечалось влияние старших родственников и односельчан на молодое поколение. Благодаря ему молодые люди часто исполняли установленные религиозными нормами обряды [Королева, Королев, 2009, 119].

Факты соблюдения религиозных обрядов и исполнения их незарегистрированными служителями культа встречаются и в начале 1980-х гг. Несмотря на то, что по статистическим сведениям уполномоченного по делам религий сообщалось, что мусульманских приходов в Алтайском крае нет, тем не менее, в 1981 г. был отмечен факт захоронения по церковному обряду в Кулундинском районе на мусульманском кладбище. В ходе беседы уполномоченного по делам религий с одним из участников процессии выяснилось, что обряд был проведён муллой, который проживал в Благовещенском районе и ездил в другие районы, где проживали мусульмане. Точных данных о личности муллы не сообщалось, но уточнялось, что несколько лет назад при его участии в с. Каракуль состоялись похороны директора школы. На месте захоронения детьми умершего был воздвигнут мавзолей. Председатель Благовещенского райисполкома подтвердил факт проживания в их районе муллы, но должного внимания на его действия он не обратил. Заместитель председателя Кулундинского райисполкома также подтвердил, что ему известно о действиях муллы и о возведении мавзолея, но он не придал этому никакого значения, т.к. считал это

национальной традицией. В результате сложившейся ситуации уполномоченным по делам религий было предписано Благовещенскому и Кулундинскому райисполкомам установить контроль за деятельностью мусульманских активистов с целью её пресечения [ГААК, фр. 1692, оп. 1, д. 147, л. 162].

Таким образом, политика государства в отношении мусульман в 1960–1980-е гг. носила неоднозначный характер. С одной стороны, со второй половины XX в. советское правительство взяло курс на либерализацию государственно-конфессиональных отношений. С другой стороны, можно указать на тотальный контроль за деятельностью мусульманских общин и служителей культа. Мусульманские общины, как на территории всего Советского Союза, так и в Алтайском крае, стремились к сохранению своих религиозных традиций, что отмечалось уполномоченным по делам религий в регионе. Следует также отметить и не всегда компетентный подход со стороны уполномоченных по делам религий при решении религиозных вопросов, что подтверждается противоречащими друг другу отчётами. Несмотря на ограничения и контроль со стороны государственного аппарата, мусульманские общины, являющиеся ещё и маркером национальной идентичности ряда этнических групп, сохранили свою самобытность, что позволило им начать возрождение во второй половине 1980-х гг.

Благодарность

Работа выполнена в рамках выполнения гранта РФФИ по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект №19-18-00023).

Acknowledgement

The work is done in the framework of the implementation of the grant of the Russian Science Foundation on the theme “Religion and power: the historical experience of state regulation of activities of religious communities in Western Siberia and adjacent regions of Kazakhstan in the 19th–20th centuries” (project No. 19-18-00023).

Библиографический список

1. Арапов, Д.Ю. Ислам и советское государство (1944–1990): сборник документов. Вып. 3 / Д.Ю. Арапов. – М.: Издательский дом Марджани, 2011. – 528 с.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). ФР-1692. Оп.1. Д. 37.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). ФР-1692. Оп.1. Д. 58.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). ФР-1692. Оп.1. Д. 96.
5. Государственный архив Алтайского края (ГААК). ФР-1692. Оп.1. Д. 119.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). ФР-1692. Оп.1. Д. 133.
7. Государственный архив Алтайского края (ГААК). ФР-1692. Оп.1. Д. 147.
8. Государственный архив Алтайского края (ГААК). ФР-1692. Оп.1. Д. 150.
9. Государственный архив Алтайского края (ГААК). ФР-1692. Оп.1. Д.213.
10. Идиатуллов, А.К. Неофициальная религиозность «мусульманских» народов Среднего Поволжья и Приуралья в 1960–1970-е годы / А.К. Идиатуллов, Л.Н. Галимова // Самарский научный вестник. – 2016. – № 2 (15). – С. 126–130.
11. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. – Т. 3: Трансформация уммы в XIX–XX вв. / Под ред. А.П. Яркова. – М.: Институт Ближнего Востока, 2015. – 444 с.
12. Клюева, В.П. Жизнь в атеистическом государстве: мусульманские общины Тюменской области (1940–1960-е гг.) / В.П. Клюева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 10. – С. 117–121.
13. Кобзев, А.В. Анализ финансово-хозяйственной деятельности мусульманских зарегистрированных общин Уральской области в 1960–1980-е гг. / А.В. Кобзев // Финансы и кредит. – 2014. – № 48. – С. 60–72.
14. Королёв, А.А. Некоторые аспекты советской государственно-конфессиональной политики в отношении ислама в 1950–1980-е гг. (по материалам Пензенской области) / А.А. Королёв // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. – 2008. – № 3. – С. 73–78.

15. Королёв, А.А. Советские мусульмане Поволжья (вторая половина 1940-х – 1980-е гг.) / А.А. Королёв // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – № 4 (2). – С. 82–90.
16. Королёва, Л.А. К вопросу о закрытии мечетей в Пензенском регионе в 1940–1980-е гг. / Л.А. Королёва, А.А. Королёв // Вестник ТГУ. – 2008. – Вып. 12 (68). – С. 320–324.
17. Королёва, Л.А. Мусульманское духовенство в СССР. 1940–1980 гг. (по материалам Среднего Поволжья) / Л.А. Королёва, А.А. Королёв // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2009. – № 2. – С. 61–65.
18. Королёва, Л.А. Татары мусульмане Среднего Поволжья в 1940-е – 1980-е гг. / Л.А. Королёва, А.А. Королёв // Ойкумена. – 2009. – № 2. – С. 116–123.
19. Королёва, Л.А. Мусульмане Среднего Поволжья в послевоенный период (1945–1953 годы) / Л.А. Королёва, А.А. Королёв, Л.В. Ключина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 16. – С. 94–99.
20. Мухетдинов, Д.В. Ислам в России в XVIII – начале XXI вв.: модернизация и традиции [Электронный ресурс] / Д.В. Мухетдинов, А.Ю. Хабутдинов. – Нижний Новгород: Медина, 2011. – 282 с. – URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3476> (дата обращения 04.03.2019).
21. Фахретдинова, Г.Р. Власть и религиозные организации: модели взаимоотношений (на примере Башкирской АССР 1960–1990-х гг.) / Г.Р. Фахретдинова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 38 (82). – С. 348–352.
22. Ярков, А.П. Умма Красноярского края в прошлом и настоящем / А.П. Ярков, А.Н. Старостин // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 422. – С. 197–205.

Текст поступил в редакцию 03.02.2019.

References

1. Arapov D.Yu. *Islam i sovetskoe gosudarstvo (1944–1990): sbornik dokumentov* [Islam and the Soviet State (1944–1990): A Collection of Documents]. Moscow: Mardzhani Publishing House, 2011, vol. 3, 528 p. (in Russian).
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archive of the Altai Region]. Fund 1692. Inventory 1. File 37 (in Russian).
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archive of the Altai region]. Fund 1692. Inventory 1. File 58 (in Russian).
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archive of the Altai region]. Fund 1692. Inventory 1. File 96 (in Russian).
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archive of the Altai region]. Fund 1692. Inventory 1. File 119 (in Russian).
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archive of the Altai region]. Fund 1692. Inventory 1. File 133 (in Russian).
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archive of the Altai region]. Fund 1692. Inventory 1. File 147 (in Russian).
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archive of the Altai region]. Fund 1692. Inventory 1. File 150 (in Russian).
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archive of the Altai region]. Fund 1692. Inventory 1. File 213 (in Russian).
10. Idiattullov A.K., Galimova L.N. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Scientific Herald]. Samara, 2016, no. 2(15), pp. 126–130 (in Russian).
11. *Islam na kraiu sveta. Istoriya islama v Zapadnoi Sibiri. T. 3: Transformatsiya ummy v XIX–XX vv.* [Islam at the End of the World. History of Islam in Western Siberia. Vol. 3: Ummah Transformation in the 19th–20th Centuries]. Moscow: Institute of the Middle East, 2015, 444 p. (in Russian).
12. Klyueva V.P. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. Tyumen, 2009, no. 10, pp. 117–121 (in Russian).
13. Kobzev A.V. *Finansy i kredit* [Finance and Credit]. Moscow, 2014, no. 48, pp. 60–72 (in Russian).
14. Korolev A.A. *Izvestiya Vuzov. Severo-Kavkazskii region* [News of Universities. North Caucasus Region]. Rostov-on-Don, 2008, no. 3, pp. 73–78 (in Russian).
15. Korolev A.A. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai State University]. Barnaul, 2007, no. 4 (2), pp. 82–90 (in Russian).
16. Koroleva L.A., Korolev A.A. *Vestnik TGU* [Bulletin of Tomsk State University]. Tomsk, 2008, no. 12(68), pp. 320–324 (in Russian).
17. Koroleva L.A., Korolev A.A. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University]. Krasnoyarsk, 2009, pp. 61–65 (in Russian).

18. Koroleva L.A., Korolev A.A. *Oikumena* [Oikumena]. Vladivostok, 2009, no. 2, pp. 116–123 (in Russian).
19. Koroleva L.A., Korolev A.A., Klyushina L.V. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. Chelyabinsk, 2009, no. 16, pp. 94–99 (in Russian).
20. Mukhetdinov, D.V., Khabutdinov, A.Yu. *Islam v Rossii v XVIII – nachale XXI vv.: modernizatsiya i traditsii* [Islam in Russia in the 18th – Early 21st Centuries: Modernization and Traditions]. Nizhny Novgorod: Medina, 2011, 282 p. Available at: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3476> (accessed on March 4, 2019) (in Russian).
21. Fakhretdinova G.R. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [News of Herzen Russian State Pedagogical University]. St. Petersburg, 2008, pp. 348–352 (in Russian).
22. Yarkov A.P., Starostin A.N. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. Tomsk, 2017, no. 422, pp. 197–205 (in Russian).

Submitted for publication on February 3, 2019.